

УДК 81.27

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ТОЛПЫ (ОПЫТ ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ)

Е.А. Оглезнева

Статья посвящена описанию вербального и невербального поведения людей в стихийно сложившейся группе – толпе. Это описание представляет собой своеобразный речевой портрет массового говорящего субъекта, находящегося в экстремальной коммуникативной ситуации. Данная ситуация рассматривается с учетом ситуативных переменных: адресата, адресанта, цели, места, тональности коммуникации, которые в совокупности определили ее качество. Особое внимание автор статьи уделяет анализу языковых средств, актуализированных в этой коммуникативной ситуации.

Ключевые слова и фразы: речевой портрет толпы; коммуникативная ситуация; вербальные и невербальные средства коммуникации.

THE SPEECH PORTRAIT OF THE CROWD (THE EXPERIMENT OF THE INSIDE OBSERVATION)

E.A. Oglezneva

The article is devoted to the description of the verbal and non-verbal behavior of people in a natural group or in a crowd. This description is a special speech portrait of a mass speaking subject, which is in an extreme communicative situation. The situation is reviewed with account of contextual elements, determined the quality of a situation, such as an addressee, an addressant, a cause, a place, the tonality of communication. The author of the article pays great attention to the analysis of linguistic means, which are foregrounded in the communicative situation.

Key words and phrases: speech portrait of crowd; communicative situation; verbal and non-verbal means of communication.

*В траве сидел кузнечик,
Где солнце не печет,
А рядом с ним в колечко
Свернулся червячок.
В траве укрылись ловко
Медведка и паук,
И божия коровка,
И толстый майский жук.
В траве сидела мушка,
Оса и жук-олень,
И некто с черным брюшком,
С усами набекрень.
В траве сидели пчелы,*

*И шмель и саранча,
В траве сидел ученый
И прочих изучал.*

А. Губайдуллина

*Да, я долго молчала, но вынуждена признаться
– я не люблю соцсети. Они отнимают у меня друзей,
возводят нарциссизм и тщеславие в абсолют, у тех, кто
немногого добился в жизни. Сводят на нет стремление
достичь чего-то реального, используют нас в то время,
как мы думаем, что используем их... И, в конце концов,
являются не совокупностью индивидуумов, а всего лишь
толпой, которая, как известно, глупее, чем каждый
отдельный ее представитель. Но все это не отменяет
того, за что их стоит любить.*

К. Арефьева

Речевое портретирование является одним из методов лингвистического познания личности или групп личностей, обладающих типическими свойствами. Так, известны многочисленные опыты речевого портретирования носителей литературных и нелитературных форм русского языка, причем эти опыты представляют собой как создание речевых портретов конкретных языковых личностей (см., напр., речевые портреты носителей литературного языка, представляющих людей разного возраста и разных профессий [Китайгородская, Розанова 1995], речевые портреты носителя диалекта [Пауфошима 1989; Архипова 2005; Блохинская, 2013; Оглезнева, Панасенко 2014], носителя просторечия [Черняк 2003], представителей русской эмиграции [Земская 2001; Оглезнева 2009; Гордеева 2013]), так и обобщенные речевые портреты больших и малых социальных групп (см., напр., речевой портрет представителя интеллигенции [Крысин 2003б], бизнесмена [Милехина 2003], «нового русского» [Шмелева 2003]).

Полагаем, что вполне возможно создать речевой портрет стихийно возникшей социальной группы людей, находящихся в сходных обстоятельствах и имеющих сходные цели, что будет определять качество их речевого поведения. Так, описание речевого поведения человека в малых социальных общностях, характеризующее его как говорящего индивида, было предпринято Л.П. Крысиным [Крысин 1989].

Следует допустить наличие некой общей инвариантной схемы речевого поведения в стихийно сложившейся группе, которой будет следовать большинство ее членов, но при этом будут, безусловно, и отступления от нее, поскольку разнообразие человеческих психотипов и психологических реакций на одни и те же обстоятельства порождает вариативность речевого поведения в одинаковых условиях коммуникации.

Вариативность речевого поведения каждой конкретной языковой личности в условиях стихийной коммуникации при общем интенциональном посыле будет проявляться, по нашему мнению, а) в выборе языковых средств для номинации окружающих реалий и выражения оценки происходящего; б) в актуализации характеризующей ситуацию лексики (или тематических групп лексики); в) в актуализации определенных средств невербальной коммуникации.

Написать статью на тему «Речевой портрет толпы» побудила жизненная ситуация, свидетелем и участником которой автор невольно оказался. В конце ноября прошлого года я возвращалась в Благовещенск из приграничного с Россией китайского города Хэйхэ, где находилась в служебной командировке, и... «застряла» на таможенном переходе на трое суток, потому что не ходили воздушные суда через Амур из-за плохих погодных условий и незавершившегося ледостава.

«Застрять» на таможне в этой ситуации – это не просто «прийти – узнать – вернуться в город – снова прийти – наконец уехать».

«Застрять» на таможне – это значит стоять в толпе, плечом к плечу, сумка к сумке, лицом – на Родину, назад – ни шагу (если выйдешь из толпы – уже на то же самое место не попадешь, а только будешь дальше от цели, а цель единственная – достичь таможенной стойки!). «Застрять» на таможне – это когда находишься в безысходном состоянии за восемьсот метров от родного берега, и у тебя единственное желание – быть там, на своей земле.

Три дня ожидания в толпе – не три часа, а ведь и три часа способны ничем и никем не управляемую массу людей превратить в **толпу**.

Современные толковые словари русского языка у слова «толпа» фиксируют два лексико-семантических варианта: 1. Скопление людей, сборище. *Толпа народа. Стоять толпой. Затеряться в толпе* [Толковый словарь... 2011: 987]. Неорганизованное скопление людей; сборище. *Огромная, шумная толпа. Вооруженная, безоружная толпа. Толпа демонстрантов, зевак. Затеряться в толпе. Собраться, сбиться в толпу.* О большом

скоплении животных, птиц, насекомых. *Толпа бабочек, кур. Толпы рыб идут по течению* [Кузнецов 1998: 1328] и 2. *перен.* Безликая масса людей в ее противопоставлении выдающимся личностям (*устар.*) [Толковый словарь... 2011: 987] и *только ед.ч.* Обыкновенные люди, масса в противоположность героям, выдающимся личностям. *Кто-л. недоступен толпе. Подчиняться инстинктам толпы* [Кузнецов 1998: 1328].

То, что мы называем **толпой** применительно к анализируемой ситуации, и есть «неорганизованное скопление людей; сборище» (1 ЛСВ), хотя, строго говоря, и семантические элементы ЛСВ 2, в частности, «безликость», «низменность инстинктов», репрезентирующие по сути «отсутствие лидера, выразителя высокой идеи» у толпы – неорганизованного сборища – тоже можно отнести к понятию, которое выражается при помощи слова **толпа**, называющего массового субъекта данной ситуации.

Охарактеризуем коммуникативную ситуацию, главным персонажем которой является толпа. Как указывает Л.П. Крысин, «типичная коммуникативная ситуация может быть представлена в виде набора переменных, каждая из которых приобретает то или иное значение в реальных условиях общения» [Крысин 2003а: 376]. Известно также, что ситуативные переменные во многом, если не во всем, определяют ее языковое качество, ее языковые черты, из которых и складывается в конце концов портрет главного персонажа.

Итак, определен **субъект ситуации** – **толпа** (далее пользуемся этим термином как рабочим – Е.О.). По характеру он **массовый**, т.к. представлен многими языковыми личностями. Это граждане России, которые уехали на несколько дней в Китай и не могут вернуться на родину в запланированные сроки.

По социальному составу толпа представляла собой весьма пестрое образование: это люди разного уровня образования (от начального до высшего), разного возраста (от подросткового до пенсионного), разных профессий (служащие, торговцы, чиновники, работники сферы образования, сферы услуг и др.), студенты, городские жители и жители села. Особо необходимо отметить среди них группу людей, регулярно неофициально осуществляющих перевозку товаров из Китая в Россию (так называемые «*кирпичи*» и «*фонари*»).

В рамках терминов, используемых для описания коммуникативной ситуации, **адресант, или говорящий субъект здесь** – толпа, речевые произведения которой выступают ее характеристикой.

Местом осуществления описываемой конфликтной коммуникативной ситуации была китайская таможня на переходе «Хэйхэ (КНР) – Благовещенск (Россия)», где уже на вторые сутки скопилось несколько сотен российских граждан. Она представляет собой большое замкнутое помещение. В плотной толпе каждый занимал свою позицию и почти недвижимо стоял на одном месте в течение рабочего дня, подпираемый людьми и большими сумками («баулами»). Такое добровольно-вынужденное положение вызвано опять же стремлением как можно быстрее достичь цели: «*Ни с места!*», «*А вдруг откроют?*», «*Стоять до конца!*» – таковы были психологические установки у находившихся в толпе, и выражались они перечисленными формулами. Психологически воздействующим фактором, повлиявшим на речевое поведение российских граждан, составлявших толпу, было и то, что место разворачивания конфликтной ситуации находилось в чужой стране при отсутствии российских представителей и какой-либо официальной информации, исходящей от них.

Время осуществления анализируемой коммуникативной ситуации – рабочее время китайской таможни: с 8 часов утра до 5 часов вечера по китайскому времени; на самом деле таможня открывалась раньше, и люди стояли в ожидании таможенного досмотра задолго до его начала по расписанию, надеясь пройти досмотр в числе первых.

Цель коммуникации в анализируемой ситуации непосредственно связана с совместно переживаемым событием и испытываемой необходимостью преодолеть неожиданно возникшее препятствие, ожиданием конца их вынужденного пребывания не на родине. Тягостное ожидание усугублялось стечением не зависящих от воли людей обстоятельств (плохие погодные условия, недостаточное количество транспортных средств для навигации, сложные партнерские отношения китайских и российских таможенных служб), каждое из которых осложняло ситуацию. Участники коммуникативной ситуации, вступая в общение друг с другом, имели различные коммуникативные цели: поделиться информацией, пожаловаться, возмутиться, потребовать, посоветоваться и т.д. Кроме общего для всех коммуникантов желания оказаться на родине, было желание оказаться там как можно скорее. Для этого необходимо было опередить остальных, а это уже относилось к области скрытых намерений многих участников ситуации, порождало конкуренцию между ними и способствовало их разобщению. Целью коммуникации при таких обстоятельствах становилось утаивание своих истинных целей, дезинформация стоящих рядом, что приводило в конце концов к конфликтному общению (напр., *Ну а этот / порядок наводил. А потом полез вперед всех!*).

Адресата коммуникации можно определить как множественный. Во-первых, коммуниканты, находясь в толпе, в непосредственном контакте, общались друг с другом, если они были знакомы или познакомились в процессе общего ожидания. Такое общение могло быть по своей тональности: а) *нейтральным (и даже дружеским)*: участники коммуникативной ситуации жаловались друг другу, комментировали происходящее; б) *конфликтным*: коммуниканты ссорились, высказывали претензии (*Что вы меня толкаете?; Уберите свои сумки!; Вы уже легли на меня!*), неліцеприятно выражались в адрес собеседника, бранились и даже дрались, сопровождая свои действия бранью. Во-вторых, это было дистантное общение с близкими из России, официальными лицами и журналистами по телефону с целью информировать о своем положении, выразить свою оценку происходящему (часто весьма грубую и без стеснения, напр.: *Мы в ж...!; Тут такая ж...!*) или получить официальную версию события и его официальный комментарий. В-третьих, это было общение с китайскими служащими таможи, представляющее собой заключение неофициальной договоренности о помощи за деньги. В-четвертых, это было общение, которое можно определить как внедиалоговое, поскольку оно не предполагало наличия конкретного адресата и представляло собой: а) реплики недовольства положением дел (*Сколько можно!* и т.п.); б) комментарий происходящего (*Движуха пошла!*); в) призывы (функцию которых чаще выполняли обценные слова, по силе воздействия приравненные к призывам вроде «За Родину! За Сталина!»; это происходило, например, при взятии мужчиной таможенной стойки штурмом).

Наибольший интерес для характеристики толпы как стихийно возникшей социальной группы представляет анализ **кода**, или **средства общения**, с помощью которого осуществлялась коммуникация. Под средством коммуникации понимаем используемые в общении вербальные и невербальные системы. В качестве вербальной системы в коммуникации, как известно, выступает какой-либо вариант языка: литературная форма, просторечие, жаргон, диалект, пиджин и т.п., в качестве невербальной – жесты, мимика, характерные телесные движения и даже способ ношения головного убора.

Известно, что в коммуникации может происходить переключение кодов, при этом, как писал Л.П. Крысин, «речевое поведение говорящего регулируется по крайней мере тремя типами факторов лингвистического характера – социальными, ситуативными и коммуникативными. К социальным относятся статусные и ролевые характеристики говорящего и адресата; к ситуативным – элементы речевой ситуации, влияющие на выбор

кода, – например, место общения; к коммуникативным факторам относятся интенции говорящего, цель, которую он преследует в данном речевом акте, его ориентация на коммуникативные запросы адресата, тема общения и некот. др. Важную роль играют и факторы психологические: например, установка на общение» [Крысин 2003а: 377].

В анализируемой ситуации, которая имела характер стихийного общения, каждый человек, являвшийся частью толпы, использовал в основном тот языковой вариант, которым обычно пользуется в ситуациях неофициального общения. Однако нестандартный характер ситуации с ее повышенной эмоциональностью в реакциях на происходящее и его оценками предопределил актуализацию тех или иных единиц языка. Отметим актуальные для того момента языковые средства.

1. Названия военного судна на воздушной подушке, применяемого при навигации в период ледостава, и водителя этого судна:

«Пума» – название марки судна;

пума – общее обозначение судна на воздушной подушке;

пумка – профессиональное, ласковое к *пума*;

«Скат» – название марки судна; судно большой вместимости;

«*большая пума*» – название пумы марки «Скат»;

«*мальши*» – маленькие пумы;

пумщик – водитель пумы.

2. Названия лица, занимающегося перевозкой товаров из Китая в Россию:

фонарь – тот, кто занимается регулярной перевозкой товаров из Китая в Россию; находится в подчинении у так называемых *кирпичей*;

кирпич – тот, кто организует деятельность регулярных перевозчиков товаров из Китая в Россию – *фонарей* (по показаниям языкового сознания одного из *кирпичей*, «*могу дома сидеть, лежать, как кирпич, и никуда не ездить*»);

бригадир – тот, кто непосредственно на месте организует деятельность регулярных перевозчиков товаров из Китая в Россию – *фонарей*, по поручению *кирпича*;

кирпичня (собирательное, презрительное) – о *кирпичах* и *фонарях* – регулярных перевозчиках товаров из Китая в Россию.

3. Названия реального или кажущегося процесса движения в зоне таможенного досмотра:

движуха («*Движуха пошла!*»).

4. Наименования китайцев:

помогайка, китайцы-помогайки – так называют китайцев за их услужливость и стремление оказать помощь за плату;

киты – сокращенное *китайцы*.

5. Использование оценочной лексики русского языка, главным образом сниженной, грубой и по отношению к адресатам, и по отношению в происходящем событии в самых разных его проявлениях.

Нетрудно догадаться, что самым актуальным средством выражения и самовыражения в описываемой коммуникативной ситуации был русский мат, который, как смех в произведениях Гоголя, являлся главным героем коммуникации.

Обценная лексика использовалась представителями различных социальных групп, в том числе представителями интеллигенции (если брать во внимание их социальные характеристики: это люди с высшим образованием, которые большую часть жизни прожили в городе и для которых русский язык – родной). Обценная лексика активно использовалась и в качестве средства выражения эмоций по поводу происходящего, и в качестве средства обмена информацией. В связи с этим необходимо констатировать обиходность обценной лексики в современном речевом общении. Необходимо констатировать также и то, что употреблению обценной лексики сопутствует все же понимание непристойности обценных выражений и несоответствия этих средств публичной коммуникации. Это становилось понятно по реакции выразившихся непристойно людей на замечания о мате и призыве «не матюгаться». Свое речевое поведение с использованием непристойностей оправдывали ситуацией, в которой находятся. К своему удивлению, автор призывов не использовать непристойную брань ни разу не был обруган за посягательство на свободу в выборе формы своего языкового выражения.

Поведение толпы в данной экстремальной ситуации характеризуется и своеобразной **невербальной** составляющей, которая находится во взаимодействии с определенными вербальными действиями.

Вынужденным и неизбежным было **стояние** на одном месте в неудобной позе, что побуждало к вербальному *выражению неудовольствия и недовольства*.

То, что народ назвал емким и понятным по своей внутренней форме словом «**движуха**», – следующее по интенсивности после стояния невербальное действие толпы, еще не движущейся динамично, но активно подавшейся к цели. Вербальное сопровождение

этого действия сводилось к его *комментированию* (*движуха пошла, движуха началась*). При этом стоящие впереди еще не могут двигаться вперед, а стоящие позади – не могут стоять на месте, желая как-то продвинуться. Поводом для «движухи» были действия таможенников, принимаемые как сигнал к началу прохождения досмотра.

Следующим невербальным действием, сознательно творимым участниками толпы, было **толкание**, а вербальным сопровождением этого действия – *реплики возмущения* в ответ на причиненные физические неудобства (*Чё толкаетесь?; Совсем обнаглели!; Затопчете!* и т.п.), а также *императивные высказывания* в адрес не понимающих опасности быть расслабленным в толпе (напр., *Вставай!; Не сиди!; Затопчут!*). Внутренним позывом к осуществлению этого действия было неосознанное желание достичь цели любым, даже бессмысленным путем. Действие «толкание» по существу не было целенаправленным, поскольку цель не могла быть достигнута (прохождение таможенного досмотра не осуществлялось), но оно было способом снятия агрессивного напряжения толпы.

Вариацией толкания было действие, которое можно обозначить, как **проталкивание впереди стоящего к цели**. Действие осуществлялось уже при наличии цели (таможенный досмотр начался) и потому не было бессмысленным: впереди стоящего сложно обойти, но, протолкнув его впереди себя, можно самому стать ближе к цели. В целом положительное для участников действие, поэтому его вербальное сопровождение представляло собой *призывы-одобрения*, помогающие активности движения (напр., *Давай-давай!; Жми!* и т.п.). Крайне интенсивную форму проталкивания можно обозначить как «**прорыв**», когда таможенная стойка бралась участниками толпы штурмом; вербально действие *сопровождалось экспрессивными грубыми обценными выражениями* (напр., */.../ твою мать!*). В толпе при этом были те, чья энергия целиком была направлена на прорыв, его инициаторы, и несомые толпой, в данной ситуации вербально слабо выражающие себя или не выражающие вовсе. Соответственно как вербальное, так и невербальное поведение первых было отлично от вербального и невербального поведения вторых в аналогичной ситуации: психотип, темперамент, а также социальные и физические характеристики (такие, как образование, воспитание, возраст, состояние здоровья, физические возможности) в известной мере являются определяющими и регулирующими.

Формой конфликтного невербального поведения в рассматриваемой коммуникативной ситуации было **расталкивание**, которое представляло собой форму

агрессивного физического взаимодействия участников толпы. Расталкивание было двух видов:

- 1) стихийное – как результат крайней степени напряжения, несдержанности участников толпы, и оно перерастало в **драку** – следующая по степени интенсивности форма невербального поведения в толпе – со всем характерным для данного действия вербально-невербальным комплексом актов;
- 2) сознательное – как результат целенаправленной деятельности группы лиц, профессионально занимающихся неофициальной перевозкой товаров из Китая (т.е. *кирпичей, фонарей*) и владеющих отработанным техникой оттеснения граждан от достигнутой уже было ими цели.

Фонарь и *кирпич* – персонажи рассматриваемой коммуникативной ситуации, достойные особого описания. Ту роль, которую они исполняют в описываемой ситуации, можно определить как профессиональную. Вне форс-мажорных обстоятельств они пересекают границу несколько раз в день, и это для них – не выдающееся событие, как для многих людей, оказавшихся в толпе на таможне. Для них не существует «сентиментального контекста» этой ситуации: они выполняют свою работу, и от того, сколько раз они пересекут границу, зависит их доход, поэтому морального кодекса у «кирпичей» и «фонарей» не существует: они должны пройти через границу и пройти первыми. Это накладывает, естественно, отпечаток на исполнение ими своей роли в данной коммуникативной ситуации. Они не вступают в речевую коммуникацию с обывателями, избегают также визуального контакта (не смотрят в глаза), поэтому заговорить с ними невозможно, говорят только со «своими», как бы «поверх голов». Из внешних атрибутов следует отметить плотные «шапочки-поплавки», надвинутые на брови. Это говорящая деталь, демонстрирующая кажущееся отсутствие: «меня как бы нет». В ситуации долгого стояния на таможне один из «фонарей» разговорился: это был монолог-комментарий происходящего, представляющий собой смесь из обценных выражений и прецедентных текстов (цитирование персонажей сказок, реплики из отечественных художественных фильмов, строчки из песен...), что свидетельствует о том, что наш герой «воспитывался на произведениях». Кроме того, его речевое поведение было агрессивным, что выражалось в неприличных оценочных высказываниях в адрес незнакомых ему людей, он как будто другим, противоположным (не-молчаливым) способом, отгораживался от других коммуникантов (не-кирпичей и не-

фонарей), демонстрируя, что «я не ваш и не с вами». Данный тип демонстрирует свой способ «быть в толпе», крайний по степени агрессивности и грубости.

Подчеркнем, что проанализированная нами ситуация является экстремальной, выходящей за рамки обычного, чрезвычайной. Но и такие ситуации случаются, а мы оказываемся ее участниками и выглядим подчас весьма нереспектабельно.

Подводя итоги анализа нетипичной коммуникативной ситуации с участием массового субъекта, обозначенного нами как толпа, укажем на следующие ее характерные черты.

Во-первых, данная ситуация демонстрирует в совокупности вербальных и невербальных компонентов один из вариантов речевого поведения носителя русского языка, когда он становится членом такой стихийно сложившейся группы, как толпа.

Во-вторых, описание речевого поведения человека в определенной коммуникативной ситуации характеризует его как говорящего субъекта, в данном случае – массового субъекта.

В-третьих, этот субъект с точки зрения своей коммуникативной практики в целом может быть оценен весьма критически: он демонстрирует коммуникативную нетерпимость к другим участникам коммуникации, груб и несдержан в комментариях и оценках, действует на уровне инстинктов толпы как вербально, так и невербально. Полагаем, что в любой коммуникативной ситуации необходимо сохранение речевой культуры, толерантности и лояльности в речевом поведении, что и позволяет не потерять человеческий облик в форс-мажорных обстоятельствах.

Один из классиков зарубежной литературы XX века написал так: «Радостно быть в толпе». Отнюдь!

Список литературы

Архипова Н.Г. Речевой портрет амурского старожилы // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 2. / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 38–61.

Блохинская А.В. Речевой портрет потомка русских и украинцев на амурской земле // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 10. / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2013. С. 76–81.

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. 1536 с.

Гордеева С.В. Речевой портрет потомка русских переселенцев в Китай // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 10. / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2013. С. 82–94.

Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты: Коллективная монография / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. С. 25–338.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М., 1995. 114 с.

Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 78–86.

Крысин Л.П. Кодовые переключения в речевом поведении говорящего // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003а. С. 375–380.

Крысин Л.П. Речевой портрет представителя интеллигенции // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003б. С. 483–495.

Милехина Т.А. Речевой портрет бизнесмена // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 497–513.

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2009. 252 с.

Оглезнева Е.А., Панасенко М. А. Речевой портрет Пелагеи Петровны Ратушкиной, жительницы с. Новоивановка Свободненского р-на Амурской области, как неординарной языковой личности // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 11. / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2014. С. 141–154.

Пауфошима Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 41–48.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский дом «Азбуковник», 2011. 1175 с.

Черняк В.Д. Речевой портрет носителя просторечия // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 497 – 513.

Шмелева Е. Я. Речевой портрет «нового русского» как героя анекдота и литературного персонажа // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 497–513.

References

Arhipova N.G. Rechevoj portret amurskogo starozhila [The speech portrait of the Amur old resident]. *Slovo: fol'klorno- dialektologicheskij al'manah* [The Word: folkloric-dialectological almanac]. Vol. 2. E.A. Oglezneva, N.G. Arhipova. [The Word: folkloric-dialectological almanac]. Blagoveshhensk: Amur State University Publ., 2005. Pp. 38–61.

Blokhinskaya A.V. Rechevoj portret potomka russkikh i ukrantsev na amurskoj zemle [The speech portrait of a Russian and Ukrainian descendant in the Amur region]. *Slovo: Fol'klorno- dialektologicheskij al'manakh* [The Word: folkloric-dialectological almanac]. Vol. 10. E.A. Oglezneva, N.G. Arhipova. Blagoveshhensk: Amur State University Publ., 2013. Pp. 76–81.

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Big definition dictionary of the Russian language]. S.A. Kuznetsov. SPb.: «Norint», 1998. 1536 p.

Gordeeva S.V. Rechevoj portret potomka russkikh pereselentsev v Kitaj [The speech portrait of a descendant of Russian emigrees in China]. *Slovo: fol'klorno- dialektologicheskij al'manah* [The Word: folkloric-dialectological almanac]. Vol. 2. E.A. Oglezneva, N.G. Arhipova. Blagoveshensk: Amur State University Publ., 2013. Pp. 82–94.

Zemskaya E.A. Obshhie yazykovye protsessy i individual'nye rechevye portrety [Common language processes and individual speech portraits]. *Yazyk russkogo zarubezh'ya: Obshhie protsessy i rechevye portrety* [The language of Russian foreign contries: Common processes and speech portraits]. M.: Vena: Yazyki slavyanskoj kul'tury: Venskij slavisticheskij al'manakh, 2001. Pp. 25–338.

Kitajgorodskaya M.V., Rozanova N.N. Russkij rechevoj portret: Fonokhrestomatiya [The Russian speech portrait: the phonic reading-book] M., 1995. 114 p.

Krysin L.P. O rechevom povedenii cheloveka v malykh sotsial'nykh obshhnostyakh (postanovka voprosa) [About speech behavior of a man in small social communities]. *Yazyk i lichnost'* [Language and personality]. M.: Nauka, 1989. Pp. 78–86.

Krysin L.P. Kodovye pereklyucheniya v rechevom povedenii govoryashhego [Code switching in the speech behavior of a speaker]. *Sovremennyj russkij yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [The contemporary Russian language: social and functional differentiation]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003a. Pp. 375–380.

Krysin L.P. Rechevoj portret predstavatelya intelligentsii [The speech portrait of a representative of intelligentsia]. *Sovremennyj russkij yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [The contemporary Russian language: social and functional differentiation]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003a. Pp. 483–495.

Milekhina T.A. Rechevoj portret biznesmena [The speech portrait of a businessman]. *Sovremennyj russkij yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [The contemporary Russian language: social and functional differentiation]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003a. Pp. 497–513.

Oglezneva E.A. Russkij yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoj rechi v KHarbine) [The Russian language in the East foreign contries (a case study of the Russian speech in Harbin)]. Blagoveshensk: Amur State University Publ., 2009. 252 p.

Oglezneva E.A., Panasenko M. A. Rechevoj portret Pelagei Petrovny Ratushkinoj, zhitel'nitsy s. Novoivanovka Svobodnenskogo r-na Amurskoj oblasti, kak neordinarnoj yazykovoj lichnosti [The speech portrait of Pelageya Petrovna Ratushkina from Novoivanovka village, Amur region as an extraordinary linguistic personality]. *Slovo: fol'klorno- dialektologicheskij al'manah* [The Word: folkloric-dialectological almanac]. Vol. 11. E.A. Oglezneva, N.G. Arhipova. Blagoveshensk: Amur State University Publ., 2014. Pp. 141–154.

Paufoshima R.F. ZHitel' sovremennoj derevni kak yazykovaya lichnost' [An inhabitant of a modern village as a linguistic personality]. *Yazyk i lichnost'* [Language and personality]. M.: Nauka, 1989. Pp. 41–48.

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov. [The Russian definition dictionary using the information about the origin of words]. N.Y.. Shvedova. M.: Izdatel'skij dom «Azbukovnik», 2011. 1175 p.

Chernyak V.D. Rechevoj portret nositelya prostorechiya [The speech portrait of vernacular speaker]. *Sovremennyj russkij yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [The contemporary Russian language: social and functional differentiation]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003a. Pp. 497–513.

Shmeleva E. YA. Rechevoj portret «novogo russkogo» kak geroya anekdota i literaturnogo [The speech portrait of a “new Russian man” as an anecdote character and a literary character]. *Sovremennyj russkij yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya [The contemporary Russian language: social and functional differentiation]*. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003a. Pp. 527–534.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Оглезнева Елена Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

Амурский государственный университет (ФГБОУ ВПО «АмГУ»).

675028, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Дьяченко, 6-28.

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Oglezneva Elena Alexandrovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor and Head of the Department of Russian Language;

Amur State University (VPO "ASU").

6-28 Dyachenko, Blagoveshchensk, Amur region 675028 Russia

E-mail: eoglezneva@yandex.ru